

МОИ ПРЕДКИ.

Для потомков
выписка из императорского
указа о возведении в
Потомственное Почетное
Гражданство моего прадедушки.

*“Божією Милостію Мы
Алѣксандръ второй
Импѣраторъ и
Самодѣржѣцъ Всероссійскій,
Царь Польскій и прочія...,
....а какъ вѣрноподданный
Нашъ Севастопольскій,
первый гильдіи купѣцъ*

Юфуда Симовъ Рофе
прѣдставлѣнными актами
доказалъ право на
Потомствѣнное Почётное
Гражданство, то возводя
онаго, съ жѣной ... и
дочерьми..., а такжѣ
родными братьями
аго.....Исаакомъ Симовымъ
съ жѣной аго Эстѣр....

Дана въ Сант- Пѣтѣрбургѣ
іюля 9 дня 1869 года.”

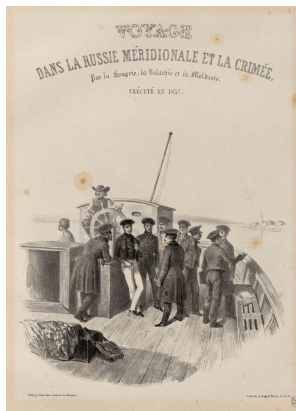
Из полного забвения, цифровым
волшебным образом, возникают
образы моих

прадедушки
Исаака
и прабабушки
Эстер,

Тут для, нынешних читателей
следует пояснить, что в
сословной России
Потомственных Почетных
Граждан уже не смели пороть в
околотке, а блюли их
достоинство. Эту привилегию и
заслужил в 1869 году купец
Юфуда для себя, своих братьев

и сестер. Раньше Царь-батюшка не жадился и давал достоинство всей родне (в советское время всю родню сажали).

И опять следует пояснить, что караимы это такие “не еврейские евреи”, которые не исповедовали, а так испортили иудаизм своими ересями, что даже Гитлер не считал их евреями и не трогал. Говорили на крымско-татарском, почти турецком, языке и жили в Крыму испокон веку.

*Картинки французского художника
Огюста Рафффе, изображающие
караимский быт, я нахожу в книге 1840х
годов “Путешествие по югу России и
Крыму”.*

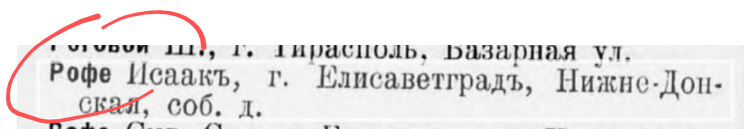
**Знаменитая “кубанка”, которой
так гордятся казаки, пошла
видать отсюда.**

Почему бы прабабушка Эстер не могла выглядеть также, как эта наша современница? Была же и она молодой красоткой, когда ее сосватал Исаак?

Потомственного Почетного
Гражданина **Рофе Исаака
Симовича**, не крупного
табачного фабриканта, нахожу в
конце 19 века в Елисаветграде
(нынче Крапивницкий в Украине)
в собственном доме по
Нижне-Донской улице.

Адресная книга Елисаветграда

вновь выписанный изъ Елисаветграда, уже известный гг. любителямъ и знатокамъ хорошаго табаку,

НАТУРАЛЬНЫЙ ТУРЕЦКІЙ ТАБАКЪ

ФАБРИКИ ИСААКА РОФЕ ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ,
цѣна отъ 1 р. 20 к. до 5 р. за одинъ фунтъ.

Всѣ сорта волокнистой длинной крошки, пріятнаго вкуса и аромата.
Получить можно *только* на углу БОЛЬНОЙ МОРСКОЙ УЛ. и ИСАКІЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ,
въ домъ Воронина № 39.

ВЪ ТАБАЧНОМЪ МАГАЗИНѢ С. КАЗАСА. 3—1

Рекламка дедушкиного табака в местной газете. Табак, думаю из Турции

*Современные остатки исторической
застройки*

Семья большая, а младшим в
ней , 1875 года рождения, был

мой дедушка

АБАДИ

*Тут молодой Абади в студенческом
кителе. По моему симпатичный.*

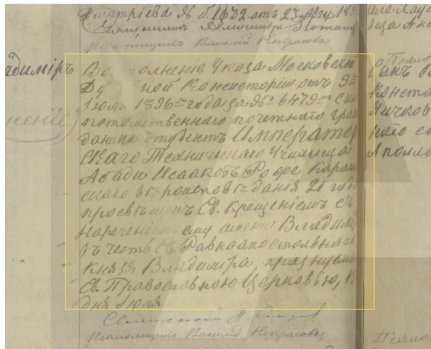
Многодетная, но не бедная, семья отправила сына за образованием в Москву. Почему не в Санкт Петербург? Не знаю, но могу предположить, что из за сильной московской караимской общины, в которой известные фабриканты держали табачный бренд “Дукат”.

В 1892 году мальчик выдержал экзамены в Императорское Московское Техническое училище, но на втором курсе влюбился в Любочку, дочку диакона Николая Соколова. Она

ответила на чувства взаимностью, что стало кошмаром для караимской родни и ужасом для православной. Он караим, а она православная, старше его на 2 года и уже от него беременная. Либо ее в караизм, либо его в православие.

Далее читаем документ о крещении дедушки в

православие

гражданина отдѣленія Императорскаго
Техническаго Училища Абади Исааковъ Рофе
Караускаго въ роисповѣданіи 21 года
просвѣщенъ Св. Крещеніемъ съ нареченіемъ
ему имени Владиміръ въ честь Св.
Равноапостольнаго князя Владиміра,
празднуема Св. Православною Цер
ковью, 15 дня Іюля

Псаломщикъ Порфирій Корнаковъ

Саштаный священникъ Павелъ Сахаровъ съ
приходскимъ псаломщиками За болѣзною
священника Смирнова коему наручено
просвѣщеніе Горѣ таинство совершалъ
Священникъ Павелъ Сахаровъ съ причтомъ

Зачеркну слова, за до псаломщика
Священникъ Александръ Смирновъ

вымъ

Священникъ П. Смир Псаломщикъ Василій
Некрасовъ

Воисполненіе Указа Московской
Духовной Консисторіи отъ 9-го
Іюля 1896- го года за No 6479- мъ
сынъ потомственнаго почетнаго
гражданина отдѣленія
Императорскаго Техническаго
Училища **Абади Исааковъ Рофе**
Караускаго въ роисповѣданіи 21
года просвѣщенъ Св. Крещеніемъ
съ нареченіемъ ему имени
Владиміръ въ честь Св.
Равноапостольнаго князя
Владиміра, празднуема Св.

*Православною Цер Церковью, 15
дня Іюля*

Оказалось, что его в православие было проще, потому, что характеру был он мягкого, да и караимы не взяли бы беременную дочку дьякона в родню. Так что остается догадываться, как оно было на самом деле.

В июле крестился, женился а уже в декабре родилась Тамара.

Теперь самое время рассказать
про ту пору, когда бабушка моя
Любовь Николаевна Рофе
была
просто
ЛЮБОЧКА

Несколько желтых фото и папина, самодельная в китайском стиле, с рельефным позолоченным драконом на обложке, записная книжечка, в корешке которой хранится карандашик. Папа был, не побоюсь сказать, талантливым мастером-самоучкой и очень любил все декорировать.

Тут моя первая, детская жизнь. Вернее все то, что можно от нее сейчас взять в руки. Остальное, зыбкий туман.

На страничках - ниточки бисерных букв про расписание

электричек, названия лекарств,
телефоны и имена давно
позабытых знакомых.

За ними, из небытия,
потянулся клубок детских
воспоминаний. Я не удержался
и нюхнул раскрытые странички
уловив если не сам запах, то
следы запаха дома моего
детства.

В доме, по блеклым,
вишневого цвета с золотом
обоям нашей коммуналки
ползет солнечный зайчик и,
отскочив от стекла овальной

рамки, бьет мне в глаз. А из
рамки, сквозь пенсне, смотрит
на меня бабушка. Она в шляпе.
Она дама!

Любовь Николаевна из “бывших”, как и папочка, который воспитывался еще при царе-батюшке. Во всяком случае поцеловать ручку приятной женщине не упускал случая, а те словно каменели, не зная как себя вести в подобных случаях. Не встречались они в советские времена с такой манерой поведения.

Так и вот: среди этих рукописных адресов оказался телефон нашей да-а-льной родственницы, у которой когда то, еще в детстве, я был с родителями в гостях.

С тех пор прошло уж лет 50
наверное? Телефон манил.
Позвонить?

- Алло, - старческий голос.
- Здравствуйте. Анна
Сергевна?. Это Раффе.
Володя Раффе. Может
помните, я сын Евгения
Владимировича.
- Ну как же, конечно помню.
Я, признаться, давно
потеряла ваши следы.

Кратко, за последние полвека,
обменявшись новостями, я
спросил про бабушку.

- Про Любочку, что ли? -
переспросила старушка.

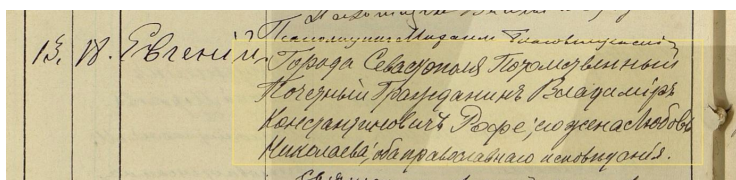
Вот это номер! Для меня бабушка при царском режиме, в доисторические времена, а для нее просто Любочка.

Любочка, старшая дочка диакона Соколова, легкого характера, в противовес серьезной сестре Антонине, была, что называется теперь, музыкальный работник. Закончила в 1895 году консерваторию по классу фортепьяно и имела сословный статус “ свободный художник”. Был такой.

После замужества Соколова превратилась в Рофе и первым

делом, в 1896 году, родила дочку Тамару, а вторым, в 1898 году, здорового и крепенького мальчика Женю.

Тут читаем запись о крещении папы:

Евгений.

Города	Севастополя
Поромотвенный	Почетный
Гражданинь	Владиміръ
Константиновичъ Рофе ; его жена	
Любовь	Николаева ; оба
православнаго исповѣданія	

С тихой, ласковой улыбкой кормила она новорожденного

грудью, а папа Володя целовал малышу пяточки.

За окном щебетали птицы. Летние дожди, радуги и утренние туманы были тому свидетелями.

Случилось это 26 июля 1898 года в дачном подмосковном местечке Обираловка, что зовется нынче город Железнодорожный. А мальчик Женя вырос и стал моим папой.

На станции "Обираловка" видна та самая водокачка, возле которой, за 20 лет до рождения Жени, Лев Толстой уложил под паровоз красотку Анну.

О сем я знаю по папиному Свидетельству о рождении. Но на этом месте прервались мои достоверные исторические источники.

И тут вмешался счастливый случай в лице архивиста-самоучки, который на генеалогическом форуме выложил продолжение этой истории. Он искал других персон, а моя родня получилась у него, как побочный продукт изысканий.

Таки вот его текст про моих Рофе.

[7]	VIII	Год
[7]	IX	Месяц и числа
		В 1898 году окончили курс наук Императорского Московского Технического Вуза, с званием инженер - механика
		Согласно прошению был 21 сентября 1898 года принят в военную службу на правах военноопределенной и уволен от таковой 28 сентября 1899 года.
		Т. Директор Варшавского Технического Института Императора Николая II был вызван из С. Александров и по распоряжению Т. Товарища Министра Финансов, от 23 февраля 1901 года за № 575, определен в службу на окладе Министрства Финансов в Варшаву [11. 7. 05 - 8]ский Технический Институт Императора Николая II штатным преподавателем технического зрания с вознаграждением по 150 руб за годовой час занятий, с 01.01.1901

В 1898 году, теперь уже не
Абади, а

РОФЕ

Владимир

Константинович

выпускается из ИМТУ с дипломом инженера-механика и, по закону о воинской службе, идет служить срочную.

Служить нужно было год в казарме на полном довольствии или вне, на своем обеспечении, но с ежедневным посещением занятий. Думаю, что пришлось вернуться по месту жительства родителей в Елисаветград на их содержание, так как в архивной справке написано, что

призывался и демобилизовался именно в Елисаветграде.

Через год, после дембеля, начинаются поиски места в жизни. В 1901 году они заканчиваются назначением его преподавателем сельхоз-машин и черчения в Варшавский Политехнический Институт.

Где были все это время молодая жена и малые дети? Не знаю.

Как бы там не было, но с 1901 по 1906 жизнь семьи проходила в престижном доходном доме №16 по улице Мокотовской в Варшаве. Дед дослужился до

коллежского советника и
Станислава III степени.

Где то в это время, по папиным воспоминаниям, они едут к дедушке Исааку, который запомнился ему сидящим в беседке, под южным солнцем, на подушках и поливающим лысину струей газированной воды из сифона. Надо будет у лысых поинтересоваться, насколько оно это кайфово. Думаю семейные отношения восстановились.

Далее случается горе. Дедушка заболел и умер.

Информация об увольнении дедушки со службы по болезни:

наго ординатора названной лечебницы, съ 19 Марта 1906 года.

Увольняются, согласно прошению, от службы: штатные преподаватели: Императорскаго Строгановскаго центральнаго художественно-промышленнаго училища, Коллежскій Ассесоръ Ивановъ, съ 11 Декабря 1906 г., Миргородской художественно-промышленной школы имени Н. В. Гоголя, неимѣющей чина Розановъ, съ 31 Августа 1906 г., и состоящій за штатомъ, бывшій штатный преподаватель Кольской торговой школы, Надворный Советникъ Ведержицкій, съ 3 Октября 1906 г.; по болѣзни: штатный преподаватель Варшавскаго Политехническаго Института Императора Николая II, Коллежскій Советникъ Рофе, съ 9 Сентября 1906 г., и штатный врачъ Екатеринбургской художественно-промышленной школы, неимѣющей чина Либерманъ, съ 16 Августа 1906 года.

Назначаются: Торговаго Мореплаванія, уволенный Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, отъ 25 Января 1907 г. за № 5, отъ должности фабричнаго инспектора Херсонской губернии,

...Увольняются,...по болѣзни:

*штатный преподаватель
Варшавскаго Полите- хническаго
Института ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ II, Коллежскій Советникъ
Рофе, съ 9 Сентября 1906 г*

Любочка с двумя детьми
остается без средств.

Что делать? Нужно как то
срочно устраивать жизнь!

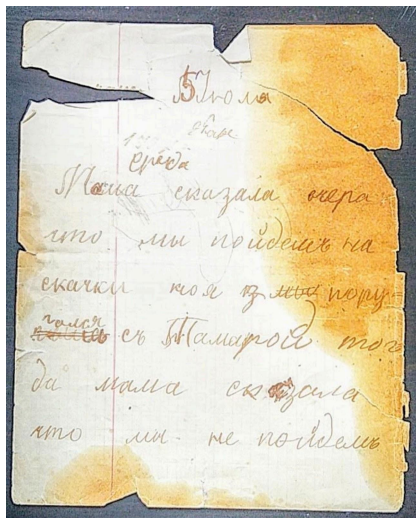
Уроками музыки разве можно
достойно заработать? И со всей
неумолимой определенностью

встал вопрос поиска мужа. Благо было ей, по нашим временам немного, всего 32 года, пикантна, недурна собой, ну и пианино, оно конечно, тоже было кстати.

Какой то караимской родни, рядом с ней в то время, я не вижу. И отправились дети в частный варшавский пансион, что в Старо Място. Папа, до смерти, так и не забыл этого потрясения.

Из Варшавы они возвращаются в Москву. Появляется отчим. Санитарный врач одного из московских районов или правильнее околотка? В то

время, как и нынче, санитарный врач не мог бедствовать по определению. Папа вспоминал, что на Рождество гостиняя ломилась от подношений купцов и торговцев. Вот пожелтевшая, почти ломкая тетрадка в дореволюционную клеточку. Клеточки не квадратные, а прямоугольничком, вытянутым вверх

Дневник, в котором папочка жалуется на старшую сестру Тамару, что та поругалась с ним, а из за этого мама не взяла их на скачки

Сестра завидовала, что какой-то Карл Иванович подарил на Рождество ему 5 рублей, а ей только 3. В общем страсти.

На эти деньги можно было пойти в магазин и купить набор для гальванизирования « всего чего хочешь», или например микроскоп. В общем то деньги для ребенка большие. Уже тогда отец любил мастерить.

Текла эта жизнь в доходном доме на Мясницкой возле известного «китайского» чайного магазина.

Вот стою, смотрю на этот дом.
Мимо машины, прохожие. Жена
молча стоит рядом. Покорно
ждет.

Боже, ведь все это было, и
никто кроме меня не помнит их
« живых и настоящих». А
маленький Женя ходил отсюда
на Чистые пруды в гимназию с
водопроводом из свинцовых
труб, которые во время
революции гимназисты начисто
срезали и продали.

Грянула
ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА

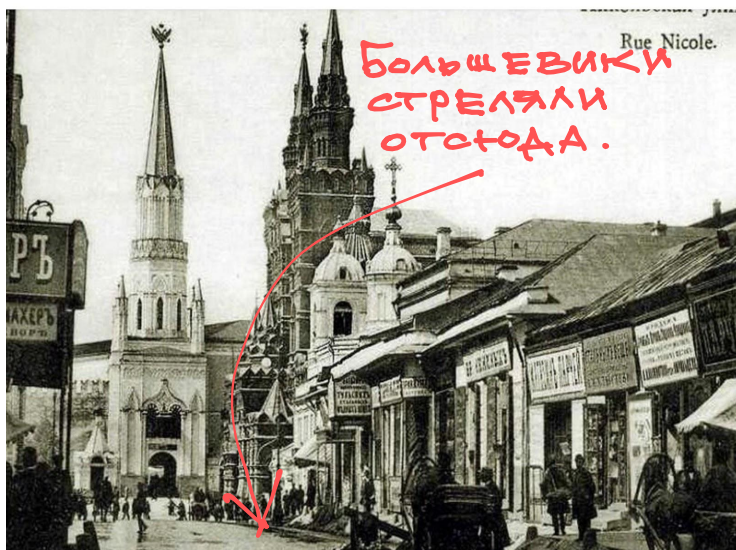
Жизнь вздрогнула, замерла и покати́лась под треск ору́дийных колес и стук сапогов по брусчатой мостовой к чертовой матери.

Из материалов, полученных от архивиста, узнаю, что Любочка в это время обеспокоилась сменой фамилии Рофе. Но не просила вернуть девичье Соколова.

Читаю ее прошения на Высочайшее имя с позволением взять фамилию “Владимирская”. Был такой дворянский род. С какой стати? Пишет, что в память мужа,

которого звали Владимир. Но в его память оставить фамилию Рофе не хочет. Обосновывает тем, что во время войны испытывает недружелюбное отношение к иностранной фамилии.

В общем эта переписка теряется в смутное революционное время, так ничем и не закончившись.

Из германской войны выскочила
Февральская революция,
которая с треском крутанулась
Октябрьским переворотом.
Папа с приятелями-
гимназистами бегал на
Никольскую, смотреть юнкеров,
охранявших Кремль.

- Часовые ходили снаружи,-
вспоминает он,- с
папиросками во рту.
Охраняли Никольские
ворота, пока
революционЭры не
подкатили пушку и не
шибанули по ним от
Торговых Рядов (ГУМа).

Этот залп на Никольской
улице, а вовсе не Авроры,
обрушил для Любочки и ее
детей прежнюю Жизнь,Империю
и Эпоху.

А дальше - все пошло с чистого
листа.

В 1918 году мой папа жил в Москве и попал под "красную" мобилизацию. А жил бы в Новочеркасске или Ростове? То загремел бы под "белую". А если бы родился двумя годами раньше, то под "царскую" и был бы убит где-нибудь в Галиции. И не писал бы я сейчас эти строчки. Или был бы сыном эмигранта первой волны и жил бы в Белграде? Но тогда не было бы французской фамилии

РАФФЕ

- Когда красные меня мобилизовали, то в военкомате фамилии

писали со слов
призывников, с голоса,
-рассказывал мне эту
историю папа.- Вот писарь
и напутал, вместо Рофе
написал Раффе.

Думаю лукавит. Можно, конечно
вместо “О” вставить “А” но
добавить, на французский
манер вторую букву “Ф”, это уж
слишком.

И тут на ум приходит мамочкина
идея со сменой фамилии.
Думаю все просто: вместо
караимской фамилия сразу
стала французской.

Ну да ладно. Может сейчас другие времена, но меня “Рофе” совсем не смущает.

Первая папина армейская должность, после призыва, была “писарь” в военкомате, а первая квартира, брошенный хозяином кабинет врача-гомеопата. Жили с приятелем, топили буржуйку мебелью и библиотекой, морковный чай пили со сладкими гомеопатическими лекарствами, которыми был забит комод. Комод потом тоже сожгли.

Летом 18го военкомат отправили на фронт. Забив двери и повесив табличку “Все ушли на фронт”, погрузились в эшелон и поехали на гражданскую войну. Начальником был ловкий человек, который с каждой станции стучал телеграммы начальству, чтобы их вернули. Слава богу их услышали. Военкомат вернули в Москву, а колчаковский и деникинский фронты не стали свидетелями папиного геройства.

Суд да дело и в 20м году он в Одесской Пехотной школе на кафедре физподготовки.

Надо сказать, что экстерьер имел атлетический, чему свидетельство фотография скульптуры известного Антокольского, для которой он служил моделью. Кстати, сохранить форму и армейскую выправку ему удалось до смерти.

*На фото можно различить дату
“1923”*

Там же, в Одессе, находилась и Тамара воспитателем в детском доме для беспризорников.

В том сиротском доме царила голодуха, но единственное, чего оказалось в изобилии - бочки с черной икрой - казусы времен военного коммунизма. Свой хлебный паек папа, у воспитанников, менял на икру:

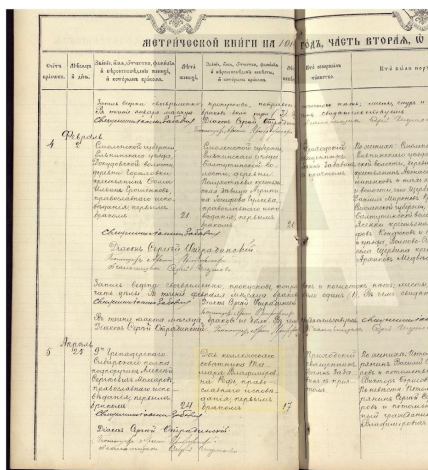
- Обожрался в голодный год на всю оставшуюся жизнь,- вспоминал он,- А беспризорники называли ее “лягушатина” и не ели.

Теперь вернемся и кое-что
узнаем про тетю мою

Тамару.

В Метрических церковных книгах за 1914 год нахожу запись о венчании Тамары и Алексея:

чем свидетельствуем священникъ Іоаннъ Забавинъ Діаконъ Сергій Отраднскій. Псаломщикъ Арсеній Преображенскій. Псаломщикъ Сергій Шумовъ

Апрѣль

25

9-го Гренадерскаго Сибирскаго полка подпоручикъ Алексій Сергѣевичъ Можаровъ, православнаго исповѣданія, первымъ бракомъ.

24

Дочь коллежскаго совѣтника Тамара Владиміровна Рофе, православнаго исповѣданія, первымъ бракомъ

Приходскій священникъ Іоаннъ Забавинъ съ причетомъ.

17

Священникъ Іоаннъ Заборинъ Діаконъ Сергій Отраднскій Псаломщикъ Арсеній Преображенскій Псаломщикъ Сергій Чирковъ

По жениху: Потомственный дворянинъ Василій Сергѣевичъ Можаровъ и потомственный дворянинъ Викторъ Борисовичъ Рачинскій. По невѣстѣ : Потомственный дворянинъ Сергій

Апрель. 25.

9- го Гренадерскаго Сибирскаго полка подпоручикъ Алексѣй Сергѣевичъ Можаровъ, православнаго исповѣданія, первымъ бракомъ.

Дочь коллежскаго совѣтника Тамара Владиміровна Рофе,

*православнаго исповѣданія,
первымъ бракомъ*

Порывшись в источниках с помощью GPTхи нахожу, что Алексей остался в России, в 20х годах работал экономистом, был репрессирован, реабилитирован, женился второй раз и умер в 1941 году. Тетю Тамару видел в начале 50х, будучи ребенком, в московской коммуналке. Мы с папой за руку, вошли в узкую, прокуренную комнатку пенальчиком -окошко в торце. На солдатской койке сидела сгорбленная, хотя ей еще не

было 60ти, старушка с
беломором в зубах. Никаких
объятий не помню. Больше ни
до, ни после ее не видел. До сих
пор жалостливое и
безрадостное ощущение.

Ну, так или иначе, в 1927 году
семья, собирается вместе и
фотографируется в Москве.

*На обороте фотографии карандашом
написано "Гоголевский бульвар 1927 год"*

Судя по фотографии,
семейные связи
сохранялись и семья

встречалась, как минимум
время от времени.

Санитарный врач в лихое
время сменил
специализацию на
“венеролога” и мог
худо-бедно кормить
Любочку.

В это время папа меняет свою
воинскую специальность и
становится артиллеристом.
На офицерских курсах
“ВЫСТРЕЛ” занимается
рационализаторской и

изобретательской
деятельностью в области
стрелкового и артвооружения.
Женится на Ольге Федоровне,
которая рождает ему сыновей
Рафаэля и Адониса. Те еще
имена, на мой взгляд, но в быту
ребят зовут Элик и Додик.

Любочка тогда говорила, что
Жене требовалась женщина,
которая могла бы направлять и
руководить ее “мягкотелым”
сыном. Примерно как Маргарита
Львом Евгеньевичем из
“Покровских ворот”.

Элик трагически, из за взрыва
самодельного пистолета, гибнет

в конце 30х годов, а Додика я помню: несколько раз он приезжал к нам в гости, когда мне было уже лет 8-10. Каждый раз покупал портвейн “777”, а водки не пил.

С Ольгой Федоровной пришлось развестись по причине ее психического заболевания и дурдома. Что там была за история? Не знаю. Во всяком случае у меня сложилось мнение, что папа, помимо ее сумасшествия, был еще уверен в ее супружеской неверности.

Вообще, по моему жизненному опыту, представляется, что его военкомат, бронь от фронта

гражданской и потом
отечественной войны, скорее
заслуга женщин, чем его самого.
Во всяком случае “пропереть”
его решать дела кабинетным
способом было невозможно.
Стеснялся очень, а близкие
женщины были - кремень и,
видать, имели связи. Но это
только мои догадки.

Пока папочка в 20м году крутил
гимнастическую “склепку” на
перекладине Одесской
Пехотной Школы, а вечерами
таскался по “девчонкам” в
бандитский пригород, держа
палец, в кармане армейских

галифе, на спусковом крючке
револьвера, в это время, в
Подсолнечной, Клинского уезда,
в семье чекиста Михайлова
Владимира Осиповича и его
жены Анны Гавриловны,
родилась огненно рыжая, в
папину масть,

Симочка

Мама моя.

Бабуля моя, **Анна Гавриловна**, в быту Ньюша, шила верхнюю одежду на халявной машинке SINGER, за которую не отдала кредит магазину, так как в 14м году немецкий магазин разграбили православные патриоты-погромщики.

Дедушка **Владимир Осипович**, с детства был рыжим хулиганом, а в юности стал еще и выпивать. С такой породой закономерно попал в ЧК. Но в противовес этому, все же не был людоедом. Радости в службе не видел и в 20х запил

по полной. Был такой, вполне “законный”, способ уволиться со службы, как пьянство. Спасибо пагубной привычке - деда уволили.

Так и жили: бабушка перелицовывала “польта”, а дед махал зеленым флажком машинисту проходящего поезда. Дед стал железнодорожным обходчиком.

Бабуля умела держать мужа в руках и родила ему, немного погодя вторую, уже не рыжую дочку Лиду.

Перед войной, в 40ом году, на танцах мамочка знакомится и вскоре выходит замуж за

слушателя курсов **Кондрата Татарчука**. Он увозит ее в гарнизон, где в декабре 40го рождается моя сестра **Люда**.

И тут мое повествование
плавно подходит к

ВОЙНЕ

Деда Володю призвали и оставили в оккупации партизаном-диверсантом.

Думаю это была его воинско-учетная специальность. Никаких вестей о нем не было, пока немцев не погнали на

запад. Тогда он объявился демобилизованным с орденом Ленина. Где был, за что орден? Никому ничего не сказал.

Военная жизнь мамы, в моем сознании отрывочно- мозаична, какими то кусками. Вот они с бабушкой, Людой и Лидой в эвакуации в грузинском Гори. Вот она, с присланным Кондратом ординарцем, переодетая в форму с липовыми документами едет к нему на фронт.

Кстати в Гори грузинки на рынке предлагали ей все, что

пожелала бы за “секрет”, чем красит волосы в золотой цвет. Ничего больше не знаю, поэтому возвращаюсь к папочке.

В 1941ом папа с Ольгой Федоровной разъехались. Он с курсами в Кыштым, готовить кадры Красной Армии,

Папа сидит справа

а она с Додиком в эвакуацию в Узбекистан, где я и нахожусь об

этом запись в эвакуационных
списках: *Наманган, Раффе
Ольга Федоровна, сын Адонис
Евгеньевич 1929г.р.*

В конце войны, пока муж воюет
в Германии, а потом еще и в
Китае, Симочка с родней
возвращаются в Солнечногорск.

Работает
машинисткой-стенографисткой
в машбюро “ВЫСТРЕЛА”.

С фронта Кондрат
возвращается героем,
командиром полка в орденах и с
вагоном немецких “трофеев”.
Бабушка оприходовала все это
и носила в коммиссионку.
Немецким норкам

предварительно отрезала
“бóшки” из-за клеймения со
свастикой.

Позже, в голодный 47ой год, вся
родня и выжила благодаря
кондратовому вагону. Сестра до
сих пор не может простить
покойной бабке, что они
прожрали ее папин вагон.

И все было бы ладно, да
объявилась кондратова
“фронтальная жена”. Не знаю всех
перипетий этой печальной
истории, знаю лишь упертый
бабушкин характер и такой же,
не менее упертый хохляцкий,
кондратов. Коса на камень.
Маму не спрашивали.

Дело кончается разрывом.

Но, в итоге, в выигрыше оказывается совсем не “фронтовая жена”, а Настюха. Настюха дальняя бабушкина родственница, которая была “почтовым ящиком” между Кондратом и его “фронтовой женой”. Будучи в курсе событий смогла, по женски все понять, пожалуйть его и утешить.

Где то в это же время папа разводится со “сбрендившей” Ольгой Федоровной, попавшей в дурдом.

В одно прекрасное время, Симочка, придя утром в свое машбюро и выдвинув ящик письменного стола с удивлением увидела там, среди ластиков и карандашей, аккуратно завернутый ломтик белого хлеба с маслом, посыпанный сахарным песком. Кто? Не понятно. Но не пропадать же добру?

Папа издалека, с замиранием сердца наблюдал, как она украдкой оглянувшись по сторонам, с наслаждением откусывает и жует кусочек этого, почти пирожного. И так каждое утро. Интрига раскрылась

быстро и папа приступил к открытым ухаживаниям.

В отличие от вспыльчивого и брутального Кондрата он имел опыт галантного обхождения.

Тем снискал благосклонность не только моей будущей мамы, но и тещи Анны Гавриловны. А это дорогого стоило!

*На этой нечеткой фотографии
немудрящая свадьба в коммуналке
моих родителей.*

Мама на 22 года моложе. У
обоих свои дети. Кто хотел
новых? Да НИКТО!

Так и не писал бы эти
строки ваш покорный слуга,
кабы не Друг детей - Иосиф
Виссарионович Сталин,
запретивший , под страхом
лагерей, аборт. Он тиран
конечно, но тут я ему
благодарен.

*На этой курортной фотографии
мама на третьем месяце моей
беременности.*

20 мая 1950 года я родился.

С криком вылез на божий свет в родильном отделении районной больницы, окна которого как раз выходили на проезжую часть Банковской улицы. И каждый раз, проходя мимо папа, показывая на окно, говорил:

- А вот в это окошко
мама впервые показала
мне тебя.

А если он забывал это говорить, то уже я сам спрашивал:

- Забыл уже, наверное, в
котором окошке ты увидел
меня впервые?

Начиная с трех лет, я уже пришел в сознание и обрел память. Так вполне хорошо помню день похорон Сталина. Нехорошее ощущение от траурной музыки из включенных в каждой квартире приемников. Все двери настежь, чтоб видали неподдельную скорбь. Нам детям играть запрещалось.

И так события, начиная с 5
марта 1953 года, уже пишу от
первого лица и начну, пожалуй

с дедушки
Владимира Осиповича
и бабушки
Анны Гавриловны
МИХАЙЛОВЫХ

Как сейчас помню маму,
вполоборота отвернувшуюся от
ветра и тащущую меня ночью к
бабушке, сквозь метель, на
санках по рельсам
железнодорожного переезда.
Моя черная цигейковая шубка,

крест накрест повязаная синим
войлочный башлыком,
залеплена снегом.

В избе тепло, одежда оттаивает
на кухне возле печки, я дремлю,
напившись горячего чаю, а
мама с бабушкой за
перегородкой вполголоса:

- Ля-ля-ля.....

Утром в избе холодно. Пахнет
дымом от затопленной печки. Я
сую босые ноги в валенки и иду
к бабушке. Мамы нет. Сквозь
дверцу печки гудит пламя.
Бабушка растапливает
молочный лед в ковшике мне на
кашу, а я беру пяточок с
подоконника и грею его на

печном “шестке”. Сквозь дырочку, протаянную в оконной изморози, виден занесенный гладкими, сверкающими сугробами сад, голые деревья и синее- синее солнечное небо над домом.

Был дом куплен в 1953 году на отцово выходное пособие по увольнению в запас.

Жилищный вопрос портит людей, справедливо замечал Булгаков. Потому бабушка отправилась на “ВЫСТРЕЛ” в нашу коммуналку, взяла, жившего там и болтавшегося без дела моего старшего брата,

Додика за руку и устроила в паровозное ПТУ в Мытищах. Там была общага. На его место была помещена Люда, ученица средней школы, а я на постоянной основе отправлен с дедушкой и бабушкой в том домике на окраине города, остро завидуя сестре.

Это водонапорная башня для заправки паровозов, а домика не видно. Он слева за обрезом фотографии.

Кроме того у дедушки была служебная квартира в бывшем доме начальника станции. Крепко срубленный на две квартиры, одноэтажный дом,

аккурат возле водонапорной башни, стоял уже более 100 лет со времен Крымской войны.

Разок я заходил туда с дедом, в этот его грибной рай: внутри все увешано связками сушеных белых грибов. Других он не брал. Крепкий грибной дух понравился сразу и до сих пор, вдыхая его, вспоминаю обитую дерматином входную дверь возле которой на стенке дедов брезентовый плащ обходчика, подсумок с флажками и дудка стрелочника. Более громкого и мерзкого звука я не слыхивал, но дудел с удовольствием.

Дед любил меня и всегда таскал на рыбалку или по грибы. Он вообще старался быть подальше от ворчливой бабушки. Даже не могу припомнить их вместе.

Рыбачил он, конечно не удочкой, а бреднем, вместе с приятелем Титковым. Один стоял у берега пруда, другой по шею в воде, тащил сеть. Рыба шла в товарных количествах. После рыбалки мы заходили в избушку продмага, брали чекушку, пива и садились тут же на завалинке. Бросив на землю мокрые вещмешки с рыбой, приятели глотали по очереди из

горлышка и закуривали
“Прибой”. Мне же перепал
кулек серой бумаги со
слипшимися леденцами. И тот
запах тины с табачным дымом
и грибной дух, был дедушкин
запах.

Иной раз, посадив меня в
садовую тачку, вез на станцию к
знакомым в диспетчерский
пункт, моргающий
разноцветными лампочками, а
сотрудники льстили деду в мой
адрес:

- Ну, прям вылитый Ленин!

*Имелось в виду сходство моих длинных,
белокурых волос с детским снимком
Ульянова, который потом оказался на
октябратских значках.*

Если мы катались прохладным
вечером, то на меня надевался
старый засаленный , со стоячим
воротником, папин китель,
который был мне как пальто.

Рукава подвертывались до кистей рук.

Так однажды, по моей просьбе, он меня и прикатил к родителям на “ВЫСТРЕЛ”. Позвонил из КПП, вызвал маму. Когда мама вылетела из проходной и увидела меня в этом, почти до земли с золотыми картушами на воротнике кителе, она изменилась в лице и простонала:

- Папа, ну зачем же так?...-

Запомнил я его одиноко сидящим по вечерам на крыльце и молча курящим свой “Прибой”. Тогда он уже страдал

желудком, отчего вскорости и умер, в 1957 году.

Бабушка, после его смерти, обменяла двухкомнатную квартиру, на комнату в том же доме, но с другой стороны. Долго потом не могла

примириться с тем, что взяла дешево.

Шила на заказ и перелицовывала верхнюю одежду на том, дореволюционном SINGERe.

Фольклор использовала запоминающийся, до сих помню: Анчутка, Ягутка - эдакие глупые люди; Разгасился - покраснел; Пополовел - побледнел; Ходит взад-назад; “Митькой” оказался - жених-обманщик.

Очень любила гомеопатию и змеиные натирки. Таблетки считала скрупулезно, не приведи господь ошибиться.

Пока была в силе, копала огород. Летом на Первомайской собиралась родня, копала картошку. Собирались за общим столом на веранде ужинать овсяным киселем. Эта фигня, серого цвета, на воде, соленая без сахара, заправленная семечковым маслом, была деликатесом голодных лет.

Долго еще, по осени закапывала она в огороде чугуны с овощами, крупой, солью, подсолнечным маслом на “черный день”.

Когда содержание дома стало для нее обременительно, его продали, а она переехала в

свою коммунальную комнату. С этих пор я, на велосипеде, работал курьером по доставке еды и проверке ее состояния-телефонов не было.

Когда совсем уж сникла и стала слабеть, а у мамы самой уже не было сил, пришлось отдать в дом престарелых. Младшая мамина сестра Лида отказалась от бабушки, а моя сестра Люда не хотела брать на себя бремя ухода. Я служил.

Но маму она все же пережила. Когда Люда, навещая ее сообщила, что мама погибла, бабушка поняла, но не отреагировала.

Умерла в 1978 году в клинском доме для престарелых.

Мои родители
Евгений Владимирович
и
Серафима Владимировна
РАФФЕ

жили, как и все, в коммунальной квартире. Коммуналка на три полковничьих семьи. Кухня на три примуса. Один санузел, после посещения которого мама приказывала мне сжигать бумажку, для чего позволялось брать спички от примуса. Один, подходящий для детских игр, коридор с черным эбонитовым

настенным телефоном № 4-97.
На нитке, карандаш и
потрепанная тетрадка.

У папы было неодолимое
желание, что либо мастерить.
Страсть эту он удовлетворял в
1.5 на 2.0 метра, чулане с
верстачком. Владение чуланом
было возмездным и
отрабатывалось его
тех.обслуживанием
водопровода, канализации и
электрики во всей квартире.
В армии отец был начальником
мастерских арт.вооружения.
Активно придумывал и
изготавливал авторские

образцы приборов для обучения стрельбе из различных видов артиллерийского и стрелкового оружия. Если приборы принимались на вооружение, то получал гонорары:

- Когда изделие шло в серию, то я командировался на завод и, практически, жил на командировочные, а получка не тратилась.

Золотое было время.

В итоге у него оказалось четыре авторских свидетельства на изобретения и куча на рац.предложений.Творчество увенчалось званием Заслуженного рационализатора

РСФСР и вручением нагрудного знака. Денег не дали, но вручили памятный адрес.

Художественная натура бунтовала против серых будней и декорировала в доме все подряд.

Он вспоминал свой
дореволюционный быт и
реконструировал его в
советской коммуналке.

Оригинальная технология заменялась бутафорской, не хватало тщательности в деталях, но издали имитация была полной. О нашей квартире ходили, не побоюсь сказать - легенды. Народ напрашивался в гости, а папа приветствовал этот зрительский ажиотаж. Мамочка страдала от внезапных посещений:

- Женя, ну нельзя же так, у меня не убрано, я готовлю, а ты с незваными гостями!

Творить, а следовательно сверлить, пилить и вонять краской было папиным неодолимым желанием.

Некоторое, по переезду в отдельную однокомнатную квартиру, время он работал в малюсеньком чуланчике, но вскоре, уступив маминым мольбам, оборудовал мастерскую в сухом, теплом подвале дома. И, только мы его и видели.

- Володя, сходи посмотри, как там папа?- время от времени посылала она меня к отцу.

Но, что характерно, “ а как там мама?” я от него не слышал.

А мама, перенеся сильную травму на шее, страдала от сильных головных болей.

Помимо красоты, она обладала природным меццо-сопрано. Выступала в самодеятельности, но хорошего уровня. Так как в гарнизоне был штатный духовой оркестр, а следовательно профессиональный капельмейстер, то уровень вокала был вполне приличным. Пела она, в длинном, зеленого бархата, концертном платье, со сцены дома офицеров. Зал очаровывался и рукоплескал.

*Тут папочка постарался и подкрасил ей
волосы и платье*

Но и пострадала она от той же
сцены, можно сказать от
искусства. Случайно
оступившись рухнула в
открытую оркестровую яму. До
конца жизни так полностью и не
поправилась.

Люда, сестра моя, в 17 лет забеременела и вышла замуж за, цыганских кровей, красавчика- лейтенанта Генку. Красавчик был полной копией Штирлица, про которого тогда еще никто не знал. К тому же боксером- перворазрядником. В общем лупил ее профессионально: дал раз и порядок.

К своим велосипедно-курьерским разездам до бабушки, пришлось добавить и кормящую Люду. Она кормила ребенка, а мама ее.

Люду с мужем перевели в другой гарнизон. Там он подрался и пырнул кого то ножом. Тюрьма. Они развелись. Мама, чтобы было на что содержать дочку и внуку, опять, со своей головной болью, пошла стучать на машинке за 60 рублей.

Будучи полным эмпатом, всю свою жизнь всем уступала, мирила и подставляла мягкую душу под острые углы родни. А родня на уступки шла неохотно. Лишний раз убеждаюсь, что жить надо только с людьми своей породы, а коли влип, то

“не подставляться” и держать оборону.

Погибла мама в 58 лет под колесами машины, переходя шоссе Москва- Ленинград, которое рассекает город пополам. Никаких переходов тогда не было.

Я служил и забрать отца было проблематично. Но Люда, у которой с папой вечно были терки, неожиданно забрала его вместе с квартирой и пенсией. И, к моему удивлению, папа “встал в строй” и жили они вполне мирно.

Папа пережил мамочку почти на десять лет и умер в 85 году в возрасте 87 лет.

Оба покоятся на кладбище в Солнечногорске.

Люда поставила новые памятники и отписалась мне об этом.

*Это не самые последние фотографии.
Но именно такими они живут в моей
памяти.*

*Спасибо им за то, что вырос я в их
любви.*

И в будущее, бодрой походкой!

На этом месте тема предков
заканчивается и начинается
моя.